

Тропавший ключ

Андрей Апухтин

Пропавший ключ

«Автор»

2026

Апухтин А. А.

Пропавший ключ / А. А. Апухтин — «Автор», 2026

Восьмилетняя Лада и её кот Барсик переезжают в старинный Старогорск. В первое утро Лада замечает у двери подвала большой блестящий латунный ключ — но стоит позавтракать, и ключ исчезает. Лада достаёт «Блокнот сыщика», а Барсик, молчаливый, но наблюдательный напарник, берёт след. Отпечатки крупных лап, клочки серой шерсти, показания соседей: тётя Валя видела тень в шесть, пекарь дядя Глеб слышал шорох в пять, а бабушка Нина, архивариус, знает про старый дом больше, чем говорит. Улики ведут к подозреваемому — и он не злодей, а добрый пёс Трезор, который не устоит перед блестящим. Но главная загадка только начинается: в подвале Лада находит медный значок с гербом Старогорска и надписью «Под камнем — дверь» — первую ниточку к тайне, которая развернётся в следующих книгах серии. Добрый детектив для детей 6–9 лет — без страха и злодеев, с кошачьей смекалкой и тёплыми осенними иллюстрациями.

© Апухтин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Переезд	5
Расследование начинается	11
Зачем ты придумываешь	16
Картина складывается	21
По следам	26
Питомец тети Вали?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Апухтин

Пропавший ключ

Переезд

Лада проснулась в новой комнате. За окном шумел незнакомый двор: старые клёны с жёлтыми листьями, песочница с облупленными бортиками, бельё на верёвках, натянутых между столбами. Солнце стояло низко, и тени от деревьев лежали на асфальте длинными полосами, как тёмные реки, текущие в никуда. Голуби ходили по крыше сарая, важные, неспешные, поклёвывая что-то невидимое. «Мы переехали, — вспомнила она, ещё не открывая глаза. — Это теперь наш дом. Наш новый дом. Наша новая жизнь».

Вчера они приехали поздно вечером, когда уже стемнело. Папа нёс коробки, мама мыла полы, а Лада просто сидела на полу в пустой комнате и слушала, как гудят трубы — старики-трубы, которые, казалось, разговаривают друг с другом на непонятном языке. Они распаковали только постельное бельё, чайник и кружки. Мама сказала: «Остальное завтра, Ладочка. Сейчас спать». Но «завтра» уже наступило, и Лада лежала, слушала незнакомые звуки: кто-то разговаривал на улице, смеялся, где-то стучала дверь, на верхнем этаже гремела вода, а потом — тишина, и в тишине — едва слышный скрип старого дома. Дома, как люди, скрипят по-разному. Этот скрипел тихо, как будто ворчал во сне.

В старой квартире было тише — там за окном был пустырь, а здесь — целый мир: двор, деревья, люди, кошки, собаки, пекарня. Лада не знала ещё ни одного соседа, ни одной кошки, ни одной собаки. Она знала только стены — новые, незнакомые, с другими трещинами и другими тенями. И Барсика.

Барсик спал на подушке, свернувшись рыжим клубком. Его уши слегка подёргивались — значит, он тоже слышал новые звуки, но не просыпался. Барсик умел спать сквозь всё — сквозь гром, сквозь пылесос, сквозь мамин фен. Но уши — уши работали всегда, как маленькие радары, ловящие мир. Лада протянула руку и коснулась его шерсти — тёплой, мягкой, привычной. Единственное, что было знакомым в этом незнакомом утре. Барсик приоткрыл один глаз, зелёный, с янтарной искрой, посмотрел на Ладу, как будто хотел что-то сказать, и снова закрыл. «Спи, — сказала Лада шёпотом. — Нам сегодня нужно всё разведать. Новый дом, новый двор, новые соседи. И кто знает, что мы найдём». Она ещё не знала, что первое, что она увидит за дверью квартиры, станет её первым делом. И что этот пасмурный осенний день окажется самым интересным утром в её жизни.

Лада встала, натянула любимый синий свитер с дыркой на локте — мама трижды говорила зашить, но Лада не давала, потому что через эту дырку, по её мнению, проходила удача, — и подошла к двери. Барсик потянулся, зевнул, показав розовый язык и мелкие белые зубы, и спрыгнул с кровати. Он шёл за Ладой неслышно, как всегда, — мягкие лапы на деревянном полу ни звука. Только когти тихо цокали, когда он переходил с доски на доску, как будто считал шаги.

Лестница была старая, с облупившимися перилами и кафельными ступенями, кое-где треснувшими. На стенах висели тусклые лампочки в проволочных клетках — по одной на этаж. Лада спускалась, и каждый этаж встречал её новым запахом: на третьем пахло жареной картошкой и луком — кто-то готовил завтрак. На втором — кофе и чем-то цветочным, сладким, как духи бабушки. А на первом — сыростью, землёй и старым камнем. Запах подвала. Лада знала этот запах — в старой квартире тоже был подвал, но туда пускал только дворник, и Лада никогда не была внутри.

На первом этаже, в торце коридора, Лада заметила тяжёлую дверь с вывеской «Подвал». Вывеска была железная, прикручена на два винта, буквы тусклые от времени, но читаемые. Дерево двери было тёмное, почти чёрное, с потёртостями и царапинами — следами ста лет. Рядом с дверью, на крючке, вбитом в стену, висел большой блестящий ключ. Латунный, с бородкой и длинным стержнем, он поблёскивал в тусклом свете лампочки, как единственное светлое пятно на всём тёмном этаже. «Интересно, что там?» — подумала Лада и потянулась к ключу, чтобы рассмотреть поближе. Ключ был тяжёлый, прохладный, с мелкими царапинами на бородке — следами времени. Барсик сел у её ног и задрал голову — смотрел то на ключ, то на дверь, то снова на ключ. Его хвост медленно качался из стороны в сторону, как маятник, который измеряет не время, а любопытство. Лада подумала: а что, если открыть дверь и заглянуть? Прямо сейчас, пока мама занята на кухне?

Лада только дотронулась до ключа — он был прохладный и тяжёлый, с лёгким запахом металла и пыли — как снизу, со второго этажа, раздался мамин голос: «Лада! Завтрак! Булочки остывают!» Мамин голос в новом доме звучал иначе — глуше, словно стены были толще, и эхо от лестницы разносило его по этажам, добавляя обертоны, которых не было в старой квартире. «Иду!» — крикнула Лада и бросилась вверх по ступенькам, на ходу спрятав руки в карманы. Ключ остался на крючке, слегка покачиваясь от сквозняка, который тянулся из подвала через щель под дверью. Латунь тихо звенела о стену — тоненький, едва слышный звон, который рассыпался по пустому этажу и таял.

Барсик не побежал за ней. Он задержался у двери подвала — и это было странно, потому что Барсик всегда бегал за Ладой, куда бы она ни шла. Но сейчас он сел, обвил хвостом лапы и остался. Он понюхал замочную скважину — длинно, вдумчиво, морщил нос и тихо фыр-кал. Потом обошёл дверь по кругу, как будто запоминая контур, и снова сел. Он смотрел на дверь, и в его зелёных глазах было что-то новое — не страх, не любопытство, а что-то среднее. Внимание. Так смотрят на загадку, которую ещё не умеешь решить, но уже знаешь, что она существует.

Что-то ему не понравилось — или наоборот, очень понравилось. Он не мог решить. Запах из-за двери был сложный: сырой земляной, с примесью старого дерева, и ещё что-то — едва уловимое, не знакомое, но как будто важное. Барсик фыркнул ещё раз и мотнул головой — стряхивал ощущение. Мамин голос снова: «Ла-да! Булочки!» — и Барсик, встрепenuвшись, помчался вверх, тихо цокая когтями по кафелю. Лада не видела, как он задержался. Не знала, что кот её нового дома уже начал расследование без неё, в одиночку, как настоящий профессионал.

Завтрак был простой и вкусный: мама купила булочки с маком у дяди Глеба — он держал пекарню на первом этаже, и мама вчера, ещё до переезда, успела познакомиться. «Хороший мужик, — сказала тогда папа. — Печёт так, что соседи в очередь выстраиваются». Булочки были ещё тёплые, мак осыпался на стол, и каждый, кто откусывал, оставлял на губах чёрные крапинки, как веснушки. Мама налила чай — горячий, крепкий, в новых кружках, которые она достала из коробки первой, потому что без чая, по её словам, жизнь не жизнь.

За завтраком мама рассказывала план: «Сегодня разберём коробки. Ты, Ладочка, поможешь с кухней и своей комнатой. Папа соберёт шкаф в гостиной. Вечером — пойдём погуляем, посмотрим город». Лада кивала, ела и думала о ключе. Большой, блестящий, латунный — что в том подвале? Старые вещи? Сундуки? Может, там кто-то живёт — невидимый, ночной, кто прячется днём и выходит после полуночи? Или там спрятано сокровище, и ключ — единственный, кто знает, где оно? Лада представила, как открывает дверь, и из неё высыпаются золотые монеты. Потом представила, как открывает дверь, и оттуда вылетает сова. Потом — как открывает дверь, и там стоит старинный корабль. Фантазия разбежалась, как река в половодье.

После завтрака она схватила Барсика, который дремал на подоконнике, свернувшись в ровный круг, и помчалась обратно. «Барсик, пойдём посмотрим подвал! Ты со мной?» Барсик нехотя прыгнул с подоконника и потащился следом — он любил спать после еды, это было свято, но Ладу не мог оставить. Она была его человеком, а человек — это ответственность, которую кот несёт двадцать четыре часа в сутки, даже когда хочется спать.

На первом этаже, у двери подвала, Лада остановилась. На крючке ничего не было. Ключ исчез. Лада обшарила пол, заглянула под коврик — маленький, пыльный, с вытоптаным узором — пусто. Поднялась на цыпочки, проверила крючок — может, ключ упал и закатился за трубу? Нет. Обошла дверь кругом — по бокам, снизу, сверху, за батареей, за стояком. Пусто. Абсолютно, безнадежно, несомненно пусто. «Барсик, — сказала она тихо, и голос её дрогнул, — кто-то украл наш ключ. Пока мы ели булочки». Барсик сел рядом, наострил уши и посмотрел на пустой крючок так серьезно, будто понял каждое слово. И не просто понял — согласился. Это была кража. Настоящая. Первая в его кошачьей практике.

Лада достала из кармана блокнот. Маленький, в синей обложке, с надписью «Блокнот сыщика» на лицевой стороне — она сама написала это фломастером, когда ей было семь, и с тех пор блокнот не расставался с ней ни на один день. Он был потёртый, с загнутыми углами, с пятном от шоколадки на третьей странице и с засушенным листом клёна между страницами двадцать второй и двадцать третьей. Внутри — исписанные и нарисованные страницы из старой квартиры: наблюдения за соседским голубем по имени Петрович (он прилетал каждый день в одно и то же время), схема двора с указанием «подозрительных мест» (три: кусты у забора, подвал, гаражи), список «подозрительных» котов на улице (пять штук, с описаниями). Это были не настоящие расследования — так, наблюдения. Но теперь, в новом доме, Лада чувствовала: здесь будет настоящее. Здесь что-то уже произошло. Теперь — новая чистая страница, и Лада раскрыла блокнот именно на ней. Она вывела аккуратным почерком, стараясь, чтобы буквы были ровными, как у мамы в тетрадах: «Дело 1. Пропавший ключ. Время: после завтрака, примерно десять утра. Место: дверь подвала, первый этаж, новый дом, город Старогорск. Квартира 5, второй этаж». Ниже нарисовала дверь — схематично, но похоже, с табличкой и крючком. На крючке нарисовала пустоту и обвела кружком. «Виновник: неизвестен. Улики: пока нет. Свидетели: пока нет. План: искать. Срочно. До того, как следы остынут». И ниже, мелким почерком, приписала: «Напарник: Барсик. Статус: на месте. Готов к работе». Барсик сел рядом, выпрямил спину и посмотрел на пустой крючок с таким выражением, будто давал показания. Лада усмехнулась: «Барсик, ты первый свидетель. Что ты видел? Ты ведь задержался у двери, когда мама позвала. Ты что-то видел? Что-то слышал? Запомнил?» Барсик моргнул и муркнул — тихо, невнятно, как человек, который знает больше, чем говорит. «Понятно, — кивнула Лада. — Ты не хочешь говорить. Или не можешь. Хорошо. Будем искать улики. Улики — они не молчат». Она закрыла блокнот, сжала карандаш, огляделась. Площадка была пустая, тусклая, тихая. Где-то наверху хлопнула дверь. Где-то внизу, за стеной, гудела печь пекарни. Лада сделала первый шаг — к двери подвала. Расследование началось.

Расследование начинается

«Итак, — сказала Лада, прохаживаясь по площадке, как настоящая следовательница, заложив руки за спину и хмурия брови. Она видела так делают в кино, и это помогало думать. — Что мы знаем на данный момент? Факт первый: ключ висел на крючке. Мы оба видели его — я тронула рукой, он был прохладный и тяжёлый, латунный, с бородкой. Факт второй: мы ушли на завтрак. Это заняло, скажем, двадцать минут — может, тридцать, если считать с мытьём посуды и мамиными разговорами. Факт третий: мы вернулись, и ключа нет». Она нарисовала в блокноте дверь, крючок и пустой кружок. «Значит, кто-то был здесь, пока мы ели. Кто-то, у кого хватило времени снять ключ с крючка и уйти незамеченным».

Барсик, сидевший на полу, наострил уши. Лада посмотрела на него. «Барсик, ты ведь задержался у двери, когда мама позвала. Не убежал сразу, а остался. Ты что-то видел? Что-то слышал? Или понюхал что-нибудь, что я не заметила?» Барсик зажмурился, потом открыл глаза и тихо муркнул — коротко, неопределённо. «Нет, — перевела Лада, — ты ничего не видел. Но что-то почуял, да? Ты нюхал замочную скважину. Я видела, хотя не придавала значения. Ты что-то учуял». Она записала: «Барсик нюхал замок — возможно, учуял запах. Кто был у двери, оставил запах. Барсик может знать, кто это был. Но не может сказать. Нужно искать другие улики, которые скажут за него». И добавала: «Ищем! Барсик, ищи! Нос в дело!»

Барсик подошёл к двери, понюхал пол у порога — долго, тщательно, водя носом по кафелю, как пылесос по ковру. Потом стену вокруг крючка — снизу вверх, от пола до крючка. Его нос задвигался быстро-быстро — нюх, нюх, нюх — и он вдруг замер. Опустил нос к полу и пошёл кругами, как делают собаки, когда берут след, — хотя коты так почти не делают.

Лада смотрела на него, затаив дыхание, и думала: «Вот она, разница между котом и собакой. Собака берёт след и бежит. Кот берёт след и думает. А потом идёт. Тихо, медленно, как детектив, который знает, что спешка — враг результата». Барсик вёл расследование по-своему.

Барсик остановился у порога подвала и фыркнул — резко, громко, как будто нашёл что-то неприятное и не мог не сообщить. Его нос сморщился, уши прижались, и он отступил на шаг. Лада тут же присела рядом, на корточки, и посмотрела туда, куда указывал его нос.

На кафельной плитке, у самого порога, она увидела отпечатки. Грязные, ещё влажные, чёткие — кто-то наступил в грязь снаружи и принёс её на чистый кафель лестничной площадки. Лада наклонилась ниже, почти касаясь носом пола, и стала разглядывать.

Это были не отпечатки ботинок — никаких шнурков, подошв, каблуков, узоров протектора. И не кошачьи лапы — слишком большие, гораздо больше лапы Барсика, даже если бы Барсик был в три раза крупнее. Что-то круглое, с подушечками и следами когтей. Четыре подушечки — не пальцы, а именно подушечки — и следы когтей, тонкие, процарапавшие кафель. Лада обвела отпечаток пальцем в воздухе, не касаясь, запоминая форму и размер. Примерно сантиметров десять-двенадцать в ширину. Крупная лапа. Очень крупная.

Отпечатки шли цепочкой от двери подвала в сторону двора, но через несколько шагов становились светлее и терялись — грязь обсохла и осыпалась. Лада проследила взглядом весь путь: от порога — направо, к выходу из подъезда.

Кто бы ни был, он не входил в подвал, а наоборот — подходил к двери, взял ключ и ушёл. «Что это?» — прошептала Лада, и сердце у неё забилось быстрее. Не от страха — от волнения.

Первая настоящая улика. Не в книжке, не в кино, а в жизни. Она посмотрела на Барсика: кот сидел, уши вперёд, и смотрел туда, куда вели следы — в сторону выхода из подъезда. «Барсик, — сказала Лада тихо, — кто-то приходил. С большими лапами. И ушёл во двор. И мы найдём его». Барсик муркнул — тихо, но решительно. «Да», — сказал он хвостом.

Лада достала блокнот и быстро зарисовала отпечатки — форму подушечек, расположение когтей, размер, расстояние между отпечатками. Она прикинула на глаз: отпечаток был сантиметров десять в ширину, может, двенадцать — шире её ладони, если прижать пальцы. Расстояние между шагами — примерно тридцать сантиметров, не торопясь, спокойно. Кто-то шёл не бегом, а шагом. Уверенно, как хозяин, а не как вор. «Не человеческие, — сказала она вслух, загибая пальцы, как мама загибала, когда считала расходы. — И не кошачьи — слишком большие. Барсик, поставь лапу. Для масштаба». Барсик посмотрел на неё с подозрением — прищурился, отодвинулся. «Ну давай, — попросила Лада, — это как в настоящих детективах — масштаб. Рядом с уликой кладут линейку или монету. У нас нет линейки, но есть ты.

Твоя лапа — мерка». Барсик нехотя, с видом оскорблённого достоинства, подошёл и приложил лапу рядом с отпечатком. Его след был в три раза меньше. Чистый, аккуратный, розовые подушечки на белой плитке — а рядом грязный, мокрый, широкий отпечаток неизвестного.

Разница была такой комичной, что Лада невольно рассмеялась. «Спасибо, Барсик. Ты свободен. Ты очень помог». Барсик убрал лапу и отвернулся — обиделся. «Не дуйся, — сказала Лада. — Ты помогаешь. Просто твой отпечаток — для масштаба. Так делают в криминалистике, я читала.

Рядом с отпечатком ботука кладут монетку. Ты — моя монетка». Барсик фыркнул — «я не монетка» — и ушёл к двери. Лада подписала в блокноте: «Улика 1: отпечатки крупных лап. Ширина — около 12 см. Когти видны. Расстояние между шагами — 30 см. Идут от подвала к выходу. Не кошачьи, не человеческие. Предположительно — собачьи». И подумала: что за животное приходило за ключом? И зачем?

Лада поднялась к двери подъезда, чтобы проверить — может, кто-то входил или выходил, пока они были на завтрак. Она подумала: если кто-то приходил с улицы, значит, дворник мог его видеть, или соседи, которые гуляют с собаками. Нужно опросить всех, как в настоящем расследовании — систематически, не пропуская никого. В дверь как раз входил почтальон — дядя Костя, пожилой мужчина в синей фуражке, с кожаной сумкой через плечо, весь в озябшем утреннем воздухе.

От него пахло типографской краской — газетами, журналами, свежей почтой. Он улыбнулся Ладе: «О, новенькая! Как устраиваешься? Мама сказала, вы вчера приехали. Я ей газеты принёс — «Старогорские ведомости», может, читаете?» Лада не стала терять время на светские беседы. Это было расследование, а не приём гостей. «Дядя Костя, вы утром заходили в подъезд? Раскладывали почту?» — «Конечно, каждый день, в семь тридцать. Письма, газеты, один журнал тёте Вале на второй этаж — она выписывает «Сад и огород», уже пятый год». — «А к подвалу подходили? Или видели кого-нибудь у двери подвала? Может, слышали что-то?» Дядя Костя сдвинул фуражку на затылок, и она села набок, как уставшая птица.

Он задумался — долго, серьёзно, как будто решал уравнение. «К подвалу? Нет, дочка, не подходил. Я на свой этаж — письма в ящики — и обратно. А у подвала...» Он помолчал, поскрёб подбородок.

«Нет, не видел. Но знаешь что? Я рано был, в семь тридцать, а может, до меня кто-то и был. Я с другой стороны пришёл, через задний двор — там дорожка короче. Так что не скажу наверняка. Может, и был кто, а я не заметил». Лада записала в блокнот: «Свидетель 1 — дядя Костя, почтальон. Заходил в 7:30. К подвалу не подходил. Ничего не видел. Пришёл с заднего

двора, через короткую дорожку. Время: 7:30 — ключ уже мог быть украден». И поблагодарила: «Спасибо, дядя Костя!»

— «Пожалуйста, дочка. Если что — я завтра опять приду, в то же время». Барсик в это время обнюхивал ботинки почтальона — основательно, не спеша, как таможенник на границе. Дядя Костя посмотрел на кота, потом на Ладу: «Хороший у тебя кот. Деловой. Сразу видно — не просто кот, а напарник». Лада кивнула: «Он и есть напарник». И подумала: первый свидетель опрошен. Нужны ещё.

Лада вернулась к двери подвала. Барсик уже сидел там — он прибежал первым, пока Лада допрашивала почтальона, и снова сидел у крючка, нюхая что-то с таким сосредоточенным видом, что Лада сразу поняла: он нашёл ещё одну улику. Коты не нюхают пустые крючки просто так. Если Барсик нюхает — значит, есть что нюхать. Она подошла. На металлическом крючке, там, где раньше висел ключ, застрял маленький клочок шерсти. Серый, жёсткий, длинной с мизинец — не пух, не волос, а именно грубая шерсть, как проволока. Он зацепился за заусенец на металле — крошечный, острый, как рыболовный крючок, — и висел, слегка покачиваясь от сквозняка. «Это не твой?» — спросила Лада, осторожно снимая клочок двумя пальцами. Барсик фыркнул и отвернулся — оскорблён, до глубины души. Конечно не его — он рыжий, а этот клочок серый. И к тому же мягкий, как шёлк, а этот — как щётка для обуви. Лада положила клочок на ладонь и рассмотрела при свете лампочки. Жёсткая, грубая шерсть, не похожая на кошачью — кошачья мягкая, шелковистая, приятная на ощупь, а эта как щетина, как проволока, как собачья шерсть. Лада потёрла её между пальцами — колется.

«Улика 2, — сказала Лада, бережно укладывая клочок между страницами блокнота, как ботаник укладывает редкий лист. — Серая жёсткая шерсть. Зацепилась на крючке, когда кто-то снимал ключ. Значит, у него серая шерсть. И он задел крючок — значит, снимал ключ не руками, а...»

Она замолчала. Зубами? Лапой? Как животное может снять ключ с крючка? Только если очень ловко пастью — ухватить, потянуть, снять. И если ключ его чем-то привлёк. Блеском? Звонком? Запахом? Каким-то инстинктом?

Лада записала: «Улика 2: серая жёсткая шерсть. На крючке. Принадлежит похитителю. Текстура: грубая, собачья. Цвет: серый. Способ снятия: зубами (предположительно)». И поду-

мала: если это собака, то собака большая, серая и с большими лапами. Всё сходится — кроме одного: зачем собаке ключ?

Зачем ты придумываешь

Барсик оскорблённо фыркнул и отвернулся — медленно, демонстративно, всем телом. Конечно не его — он рыжий, а этот клочок серый, грубый и пахнет совсем не как кошачья шерсть. Пахнет собакой. Барсик знал этот запах — он встречал собак в старой квартире, и каждый раз они пахли одинаково: сыро, грубо, влажно. Не то что коты — коты пахнут тёплым молоком и сухими листьями.

Лада аккуратно разложила клочок на странице блокнота и обвела его карандашом — оставив контур, чтобы не потерять. Рядом записала: «Сравнить с шерстью Барсика — не совпадает. Цвет: серый. Текстура: жёсткая, как щетина. Размер: около 3 см. Источник: крючок у двери подвала. Предположение: собачья шерсть».

Она задумалась, глядя на два клочка шерсти — один на странице блокнота, и второй, невидимый — рыжий, сидящий рядом. «Кто у нас серый и с большими лапами?» — спросила она вслух, и Барсик поднял уши, как будто вопрос был обращён к нему.

В новом доме Лада ещё никого толком не знала. Кто живёт на третьем этаже? Кто во дворе гуляет с собакой? Есть ли здесь другие коты, кроме Барсика? Вопросов было больше, чем ответов — намного больше. Как в начале любого расследования, когда фактов мало, а неизвестного много.

«Ладно, — сказала Лада, закрывая блокнот. — У нас две улики: следы больших лап и серая жёсткая шерсть. И один свидетель — дядя Костя, который ничего не видел. Нужно больше свидетелей. Нужно больше фактов. Барсик, идём опрашивать соседей». Барсик встал, потянулся — длинно, с наслаждением, выгнув спину дугой — и пошёл за ней к лестнице. Он не возражал — вид у него был деловой, как у напарника, который понимает, что работа есть работа, даже в новое осеннее утро, когда можно было бы спать на подоконнике. Но спать можно потом. Сначала — дело.

Лада поднялась на второй этаж и постучала в дверь квартиры справа. Она постучала три раза — не сильно, но уверенно, как настоящий следователь, который приходит с вопросами. Дверь открыла тётя Валя — полная, добрая женщина в цветущем халате, с бигуди на голове

и тёплыми карими глазами. Она улыбнулась так, будто Лада была её внучкой, которую она не видела неделю: «Ладочка! Новенькая! Я вчера видела, как вы переезжали — машина большая, коробок сколько! Заходи, заходи! У меня чайник на плите, печенье на столе, а вон там — кот ваш, я смотрю, рыжий, красивый!»

Лада улыбнулась, но не зашла. «Тётя Валя, спасибо, но я не надолго. У меня тут... расследование. Понимаете, у нас пропал ключ. От подвала. Большой, блестящий, висел на крючке у двери — и исчез. Пока мы завтракали». Тётя Валя ахнула: «Пропал?! Ключ?! Ой, а я и не знала! Что же делать?» — «Вот я и расследую, — сказала Лада. — Тётя Валя, вы утром видели кого-нибудь у подвала? Или слышали что-нибудь необычное? Может, кто-то проходил, или какой-то шум был?»

Тётя Валя прижала палец к губам и задумалась. Бигуди на голове слегка качнулись, как метеозонд. «Знаешь, — сказала она медленно, и голос её стал тише, как будто она вспоминала что-то важное и страшное. — Я в шесть утра выходила мусор вынести. Мусорные баки во дворе, и я иду через подъезд, чтобы не обходить вокруг. И вот, когда я спускалась на первый этаж, я видела... тень. У двери подвала кто-то стоял. Тёмный, крупный. Я даже испугалась чуть-чуть — подумала, вор. Потом подумала — дворник, может. Но дворник приходит в семь, а было ровно шесть». Лада почувствовала, как по спине пробежал холодок — приятно-страшный, как от хорошей загадки. Тень. Тёмный, крупный. В шесть утра.

«Тёмный, крупный, — повторила Лада, уже записывая в блокнот, стараясь не пропустить ни одного слова. — Свидетель 2 — тётя Валя, второй этаж. Видела тёмную тень у двери подвала в шесть утра. Тень крупная. Думала — дворник, но дворник приходит в семь». Она перечитала запись и нахмурилась. Шесть утра — это рано. Очень рано. Мама и папа ещё спали, Лада тоже спала — первый день в новом доме, не до пробуждений. Только Барсик бродил по квартире — он всегда просыпается первым, ещё до рассвета, и ходит, проверяя углы, как ночной сторож. Но Барсик не мог быть тёмной крупной тенью — он кот, а не привидение. «Тётя Валя, — продолжила Лада, наклонившись вперёд, — а эта тень — она стояла или двигалась? Вы хорошо рассмотрели? Может, запомнили рост, размер, какие-нибудь детали?» — «Стояла, — сказала тётя Валя, припоминая, и глаза её смотрели куда-то вверх и влево, как у всех, кто вспоминает. — Нет, двигалась. Медленно. К двери подвала. Я моргнула — и тени нет. Будто исчезла. Или в дверь вошла. Но дверь была закрыта, я проверяла — просто потрогала ручку. Закрыто». Лада

записала: «Тень двигалась к двери подвала. Дверь была закрыта. Тень исчезла». И подумала: как можно исчезнуть, если дверь закрыта? Спрятаться? Или выйти из подъезда через двор? Или подняться по лестнице? Много вариантов, и все возможные. «Тётя Валя, а вы не видели — у тени были лапы? Или ноги? Может, хвост? Уши?» — «Лапы? — тётя Валя рассмеялась, и бигуди закачались. — Ладочка, это же тень, а не животное! Наверное, ноги. Хотя...» Она задумалась, и смех сошёл на нет. «Может, и лапы. Я не разглядела — темно было, шесть утра, лампочка тусклая. Просто тёмный силуэт. Крупный. Низкий, приземистый. Не высокий, как человек, а... ближе к полу. Вот всё, что я могу сказать». Лада поблагодарила её и спустилась на первый этаж. «Низкий, приземистый» — это не человек. Это животное. Крупное, серое, низкое. Собака? У неё было две улики и два свидетеля. Расследование набирало ход.

Лада села на ступеньки и стала думать. Первая версия родилась быстро и ярко, как вспышка: кто-то чужой проник в подъезд ранним утром, чтобы украсть ключ от подвала. Зачем? Что в подвале? Может, там спрятано сокровище — старые монеты, золото, драгоценности? Или там кто-то прячет контрабанду? Или там тайная лаборатория, и кому-то нужны замки, чтобы что-то достать? Лада нарисовала в блокноте маску, мешок с деньгами и связку ключей. Получилось немного похоже на мультик, но идея была ясна. «Грабитель, — сказала она, — в маске, с мешком. Пришёл в шесть утра, снял ключ и ушёл».

Но Барсик посмотрел на рисунок и закатил глаза — медленно, выразительно, всем своим кошачьим существом, как будто говорил: «Серьёзно? Сокровища? В нашем подвале? Грабитель в маске? Ты смотрела слишком много мультфильмов». Лада обиженно посмотрела на него. «А что? В настоящих детективах всегда есть сокровища! И грабители! И маски!» Барсик зевнул — широко, показав розовый язык и мелкие зубы — и лёг на ступеньку, положив морду на лапы. «Ладно, — вздохнула Лада, — версия не доказана. И вообще — у нас нет ничего, что указывает на грабителя. Ни маски, ни мешка. Только следы лап и серая шерсть. Грабители не оставляют шерсть. Грабители оставляют перчатки. Или отпечатки ботинок. Или отмычки. А у нас — лапы и шерсть. Животные, а не люди». Она зачеркнула маску и мешок в блокноте и написала: «Версия 1: грабитель. Доказательства: нет. Статус: отвергнута».

«Идём дальше, — сказала Лада, вставая. — Если это не грабитель, значит, это кто-то, кто живёт рядом. Кто-то, у кого серая шерсть и большие лапы. Кто-то, кто ходит на четырёх ногах и таскает блестящие вещи». Барсик встал и потянулся — будто сказал: «Ну наконец-то».

Лада и Барсик вышли во двор. Утро было тёплое, мягкое — типичное старогорское сентябрьское утро, когда ещё не холодно, но уже не лето, и воздух пахнет листьями, дымом и чем-то сладким, что нельзя определить.

Солнце светило сквозь кроны клёнов, бросая на асфальт золотые пятна, которые двигались, когда ветер шевелил ветки. Листья опадали медленно, кружась, и ложились на дорожки — жёлтые, оранжевые, с красными прожилками, как маленькие осенние парашютисты.

Где-то на соседней улице гудела машина, во дворе кто-то развешивал бельё — женщина в платке, молча, методично, — и пахло — нет, не осенью — свежим хлебом. Хлебом и корицей. Запах шёл из двери на первом этаже — пекарни дяди Глеба, который открыл её, и из неё валил тёплый, золотой свет, и пар, и запах, от которого Лада проголодалась, хотя только что позавтракала.

Лада решила, что опросит всех соседей по очереди. Систематически, как настоящий детектив. Список в блокноте: дядя Костя — опрошен. Тётя Валя — опрошена. Дядя Глеб — следующий. Кто ещё? Бабушка Нина на первом этаже, но она в палисаднике, к ней позже, когда будет больше информации.

Кто на третьем этаже — Лада ещё не знала. Кто живёт в соседних домах — тоже не знала.

Она записала: «План: 1. Дядя Глеб, пекарня. 2. Бабушка Нина, палисадник. 3. Жильцы третьего этажа — узнать, кто. 4. Дворник (приходит в семь, может, уже пришёл). 5. Соседние дома — если понадобится». Барсик шёл рядом, ступая осторожно, между листьями — он не любил мочить лапы о мокрую листву и аккуратно обходил каждый лист, как сапёр обходит мину. Лада подумала, что если бы коты умели говорить, Барсик бы сейчас сказал: «Не отвлекайся на листья, у нас дело». Она не отвлекалась. Шла к пекарне.

Картина складывается

Пекарня дяди Глеба была маленькой и тёплой — два столика у окна, прилавков, за которым стоял сам дядя Глеб, крупный мужчина с красным лицом и большими руками в муке — до самых локтей, как будто он не пёк, а купался в тесте. На стене висели часы — круглые, с кукушкой, и кукушка, как ни странно, куковала, хотя было утро, а не полдень. Пахло пирожками с яблоком, хлебом, корицей, ванилью и чем-то сладким, что Лада не могла определить, но что хотелось есть. На прилавке лежали пирожки — с яблоком, с капустой, с картошкой — горкой, румяные, с поджаренными боками, и каждый дышал паром, как маленький тёплый зверёк. «Дядя Глеб, — начала Лада, — можно вас спросить? Недолго». — «Конечно, дочка! Берёшь пирожок? Яблочный, свежий, с полчаса как из печи! Самый лучший — корица, яблоко, чуть-чуть сахара». — «Спасибо, потом. Дядя Глеб, вы утром слышали что-нибудь у подвала? Вот рядом с вашей пекарней, через стену. Может, шорох, шаги, какой-то шум?» Дядя Глеб вытер руки о фартук — долго, тщательно, как будто думал. «Под утро? Да, слышал шорох. Я к печи подходил в пять — тесто ставить, первая партия. И слышу — шорох. Не в пекарне, а за стеной, в подъезде. Думаю — мышь шуршит. У нас мыши бывают, особенно осенью, когда холодает. Но мышь по звуку тише, мелче, быстрее. А тут — шорох такой... тяжёлый. Будто кто-то лапами шлёпает. И ещё — скребёт. Как когтями по кафелю. Я не пошёл посмотреть — дело тёмное, пять утра, один я, кто там — не знаю. Решил — показалось. Мало ли — дом старый, трубы гудят, стены скрипят». Лада записала: «Свидетель 3 — дядя Глеб, пекарня. Слышал шорох в пять утра. Тяжёлый, не мышь. Скребущий звук — когти по кафелю. За стеной, в подъезде. Не пошёл посмотреть — боязно». Три свидетеля — и все указывают на раннее утро. Кто-то был здесь, пока все спали. Кто-то с тяжёлым шагом, когтями и серой шерстью. Лада чувствовала, как картина складывается — медленно, как мозаика, но складывается.

Лада вышла из пекарни, села на скамейку и открыла блокнот. Она перечитала все записи — медленно, по строчке, как будто читала чужой дневник. Следы больших лап, серая шерсть, тень в шесть утра, шорох в пять утра. Все улики и свидетели указывали на одно и то же время — раннее утро, между пятью и шестью. Кто-то приходил, снял ключ с крючка и ушёл. Не

грабитель — грабители не оставляют шерсть. Не мышь — мышь не снимает ключи с крючков. Животное. Крупное, серое, с когтями и тяжёлым шагом.

Лада нарисовала в блокноте собаку с ключом в зубах и большой вопросительный знак над ней. «Собака, — сказала она вслух. — Большая, серая, с крупными лапами. Зачем собаке ключ? Барсик, ты как думаешь? Ты же у нас эксперт по четвероногим». Барсик сидел рядом и смотрел на рисунок с подозрением — не на собаку, а на саму идею. Будто говорил: «Собака — это ещё не ответ. Это только вопрос. Назвать — не значит объяснить. Почему собака? Зачем? Какая собака? Чья собака?»

Лада вздохнула. «Хорошо. Пока это гипотеза. Версия 2: большая серая собака сняла ключ с крючке. Доказательства: следы лап — собачьи? Серая шерсть — собачья? Тяжёлый шорох — собака ходит? Тень — низкая, приземистая, не человеческая. Статус: возможная, но не доказана. Нужно узнать, чья это собака. И зачем ей ключ. И где ключ сейчас — у неё или уже где-то ещё». Она закрыла блокнот и посмотрела на Барсика. «Кто у нас в доме может знать про собак? Правильно — бабушка Нина. Она знает всё. Она здесь живёт давно, бывший архивариус — не может не знать, у кого есть собака». Барсик муркнул — согласился. Они встали и пошли к палисаднику.

Барсик вдруг дёрнул ушами, вскочил со скамейки и побежал к палисаднику — маленькому садику за низким заборчиком, слева от подъезда. Он побежал так резко, как будто услышал что-то, чего Лада не слышала. Может, запах. Может, звук. Может, кошачье чутьё, которое работает лучше любого блокнота. Лада — за ним, не разбирая дороги, мимо скамейки, мимо песочницы, мимо клёна.

В палисаднике, среди кустов роз, стояла бабушка Нина и поливала цветы из старой жестяной лейки. Она была маленькая, седая, в тёплом платочке на плечах — вязаном, серо-розовом, — в очках на кончике носа и в старых валенках, которые она носила даже осенью, потому что «ноги мерзнут с войны». Розы были поздние, осенние — красные, розовые, белые, с тяжёлыми головками, опущенными от росы и от собственного веса. Бабушка Нина поливала осторожно, под корень, и тихо напевала что-то старинное, без слов, мелодию, которую Лада не знала, но которая казалась знакомой, как будто слышала во сне.

«Бабушка Нина! — выпалила Лада, вбегая в калитку. — У нас пропал ключ от подвала! Большой, блестящий, висел на крючке у двери — и исчез! Пока мы завтракали!» Бабушка Нина

медленно опустила лейку и повернулась. Она не удивилась — она вообще редко удивлялась, как будто давно привыкла, что мир полон загадок, и давно перестала им поражаться.

«Ключ от подвала? — переспросила она спокойным, ровным голосом, как учительница переспрашивает ученика. — Какой ключ?» — «Большой, латунный, блестящий! На крючке висел, у двери с табличкой «Подвал»!» Бабушка Нина сняла очки, протёрла их краем платочка, надела обратно. «Хм, — сказала она. И посмотрела на Ладу — поверх очков, внимательно, как будто видела не девочку, а вопрос, который та принесла. — Ключ просто так не пропадает. Кто-то его захотел. Подумай, Лада: зачем кому-то понадобился именно этот ключ?»

Бабушка Нина стояла, держа лейку опущенной, и смотрела на Ладу поверх очков. «Ключ, — повторила она, и слово прозвучало весомо, как будто бабушка пробовала его на вкус. — Ключ — это не просто кусок металла. Ключ — это доступ. Кто-то хотел попасть в подвал. Вопрос — зачем. Что в этом подвале, Лада? Ты знаешь?» Лада задумалась. Что она знала о подвале? Ничего. Абсолютно ничего. Она видела его только снаружи — тяжёлая дверь, тусклая вывеска, запах сырости. Внутри она не была ни разу. Даже не заглядывала.

«Я не знаю, что там, — честно сказала Лада. — Мы вчера переехали, и я только утром увидела ключ. Может, там старые вещи, ящики, всякий хлам. Банки с вареньем, как у всех в подвалах». Бабушка Нина покачала головой — медленно, как будто отрицала не ответ, а его недостаточность. «Этот дом — один из самых старых в Старогорске. Ему больше ста лет. Подвалы в таких домах — не просто склады. Там может быть что угодно: старые печи, ходы, даже колодцы. Люди строили в старину основательно — и с секретами. Они не строили «просто подвалы». Они строили подземелья. Хранилища. Тайники. Потому что знали: внизу — безопаснее, чем наверху».

Лада слушала, открыв рот. «Секреты? В нашем подвале? Под нашим домом?» Бабушка Нина улыбнулась — тихо, как улыбаются, когда знают больше, чем говорят. «Я не говорю «секреты». Я говорю «история». Но одно от другого иногда неотличимо. То, что для одного — старый хлам, для другого — тайна. Смотря кто смотрит». Лада записала в блокнот: «Бабушка Нина: дому более 100 лет. Подвалы в старых домах — могут быть ходы, колодцы, старые печи. «Секреты или история — неотличимо». Бабушка знает больше, чем говорит». И подумала: а вдруг ключ и правда открывает не просто дверь в подвал, а что-то большее? Что, если подвал — это начало?

Лада записала слова бабушки Нины в блокнот и подчеркнула два раза: «Кто-то захотел» и «история и секреты неотличимы». Потом села на скамейку в палисаднике — старую, деревянную, с вытертым сиденьем, отполированным годами, — и стала думать. Барсик улёгся рядом, положил морду на лапы и закрыл глаза. Но уши у него стояли торчком — он не спал, он слушал. Он всегда так делал: лежал, как будто дремлет, и при этом слышал всё — каждый шорох, каждый шаг, каждое слово. Кошачий сон — это не сон, а наблюдение с закрытыми глазами.

Лада перебирала факты, как бусины на нитке: следы лап — большие, с когтями, двенадцать сантиметров шириной. Серая шерсть — жёсткая, грубая, как проволока. Тень в шесть утра — тёмная, крупная, низкая, приземистая. Шорох в пять утра — тяжёлый, скребущий, с когтями по кафелю.

«Если это собака, — думала Лада, — то большая, серая. Но зачем собаке ключ? Собаки не открывают двери. Собаки не знают, что в подвале. Собаки не планируют кражи. Собаки — они...» Она замолчала. А что, если собака не открывала дверь? Что, если она просто утащила ключ? Как вещь? Как игрушку? Как блестящий, звенящий предмет, который висел на уровне морды и просил: возьми меня?

Лада вспомнила, как её подруга в старой квартире рассказывала про своего пуделя, который таскал всё блестящее — ложки, фольгу, мамины серьги, папины ключи от машины. «Он не знает, зачем это. Он просто берёт. Потому что блестит. Потому что звенит.

Потому что приятно держать в пасти — прохладное, гладкое, тяжёлое». Лада посмотрела на Барсика. «Барсик, а если ключ блестел? И звенел, когда качался на крючке от сквозняка? Может, кто-то решил, что это игрушка? Блестящая, звенящая игрушка, висящая прямо на уровне большой собачьей морды?» Барсик приоткрыл один глаз, посмотрел на неё и муркнул. Не «да», не «нет» — «думай дальше». И Лада думала.

По следам

Вдруг Барсик вскочил — так резко, что Лада вздрогнула и чуть не уронила блокнот. Его нос задёргался, ноздри раздувались, хвост встал трубой, как антенна, ловящая сигнал. Он спрыгнул со скамейки и бросился к калитке палисадника — не шагом, не бегом, а рысью, как кошачий спецназ на задании. Лада — за ним, не разбирая дороги, мимо роз, мимо лейки, мимо бабушки Нины, которая только головой покачала: «Ох, молодёжь, вечно бегают».

На земле за калиткой, прямо на утопанной дорожке, ведущей от подъезда к палисаднику, Лада увидела следы. Те же. Большие, грязные, с подушечками и когтями. Они шли от подъезда через двор — мимо скамейки, мимо песочницы, мимо клёна с толстым стволом — и прямо сюда, к калитке палисадника. Лада присела, сердце стучало. «Барсик, это те же следы! — выдохнула она, и голос её дрожал от волнения. — Тот, кто взял ключ, шёл сюда! В палисадник! К бабушке Нине!» Она прошлась взглядом по цепочке отпечатков — они были уже светлее, суше, но узнаваемы. Тот же размер, та же форма, те же когти, то же расстояние между шагами.

Следы шли уверенно — не крадучись, не петляя, не оглядываясь. Как будто тот, кто их оставил, шёл привычной дорогой. Знакомым маршрутом. От подвала — к палисаднику. Зачем? Что в палисаднике? Розы? Бабушка Нина? Или что-то спрятано между кустов, под листьями, в земле?

Лада встала и пошла по следам, как по тропинке, — шаг за шагом, осторожно, не наступая на отпечатки. Барсик бежал впереди, помахивая хвостом, как флагом. Ещё одна ниточка протянулась от подвала к палисаднику. Две улики, два свидетеля, и теперь — направление. Кто бы ни был этот кто-то, он жил рядом. Очень рядом.

Лада присела и пошла по следам, как по тропинке — аккуратно, не наступая на отпечатки, чтобы не испортить улику. Она помнила из книжки про детективов: «Никогда не наступай на след — ты можешь его уничтожить. Иди рядом, по чистой земле». Следы шли через двор, мимо песочницы, мимо старой скамейки с оторванной доской, мимо клёна с толстым стволом, у которого корни выпирали из земли, как пальцы великана. Лада считала шаги: один,

два, три, четыре... Следы становились всё светлее, грязь подсыхала, но контуры ещё держались — на кафеле, на асфальте, на утоптанной земле.

И вдруг следы обрывались. Прямо у калитки палисадника — последний отпечаток, чёткий, глубокий, будто тот, кто его оставил, остановился и постоял. Потом — чистая земля, утоптанная, политая, без единого следа. Зато на земле, рядом с последним отпечатком, лежал клочок шерсти. Серый, жёсткий, такой же, как на крючке. Лада подняла его двумя пальцами — осторожно, как настоящую улику, не сжимая, чтобы не повредить. «Та же шерсть, — прошептала она, сравнивая с первым клочком, который лежал в блокноте. — Та же текстура, тот же цвет, та же жёсткость. Это не совпадение. Это тот же кто-то».

Она положила второй клочок в блокнот, рядом с первым, и сравнила. Одинаковые. Абсолютно. Серые, жёсткие, как проволока, длиной около трёх сантиметров. Лада почувствовала, как в голове щёлкнуло — как детали пазла, которые встают на место с приятным звуком. Кто бы ни приходил за ключом, он шёл от подвала через двор — прямо сюда, в палисадник. И здесь следы терялись. Будто растворялись. Будто тот, кто шёл, переступил невидимую границу и исчез. Или вошёл в дом. Или спрятался.

«Барсик, это те же следы! И та же шерсть!» — Лада положила второй клочок в блокнот, рядом с первым, и сравнила ещё раз. Одинаковые — серые, жёсткие, грубые, как щетина. «Кто бы это ни был, он шёл от подвала сюда, в палисадник. Но здесь следы теряются — земля утоптана, полита, истоптана розами». Она огляделась. Палисадник был маленький — три грядки, кусты роз, калитка, скамейка, низкий заборчик. Некуда спрятаться. Но следы обрывались. Значит, тот, кто шёл, либо ушёл по другой дорожке, либо... вошёл в подъезд. В дом.

«Барсик, — сказала Лада медленно, и голос её стал тише, как будто она говорила что-то важное. — А что, если этот кто-то живёт в нашем доме? Пришёл за ключом, снял его, понёс домой. И дом — это наш подъезд. Наш дом. Сосед. Сосед с большими лапами и серой шерстью». Барсик посмотрел на неё и муркнул — коротко, утвердительно. «Да». Он тоже так думал.

Лада перечитала список свидетелей: дядя Костя — почтальон, не живёт в доме. Тётя Валя — живёт на втором этаже. Дядя Глеб — живёт на первом, у него пекарня. Бабушка Нина — живёт на первом, в квартире с палисадником. Кто ещё? Кто на третьем этаже? Лада не

знала. Но если тот, кто украл ключ, живёт в доме, то его можно найти. Нужно только проверить каждого — нет ли у кого собаки. Серой, крупной, с большими лапами.

«Барсик, идём. Нам нужна бабушка Нина — она знает всех жильцов. Она знает, у кого есть собаки, у кого коты, у кого канарейки. Она — наш архив. Наша база данных». Барсик побежал к палисаднику, и Лада за ним — уже не бежала, а шла, потому что знала: ответ близко. Очень близко.

Барсик пошёл не по следам — те уже обрывались — а к забору палисадника, в дальний угол, где росли самые высокие кусты роз, с толстыми стеблями и крупными тёмно-красными цветами. Там, под листьями, между корнями, он нашёл ещё один отпечаток.

Свежий, чёткий — грязь ещё не высохла, края были мягкими, и Лада увидела отпечаток каждой подушечки, каждого когтя, каждой складки кожи. Лада присела и приложила ладонь. Отпечаток был шире её ладони! Чёткие подушечки — четыре, крупные, каждая размером с монету. И следы когтей — глубокие, процарапавшие землю до самой глины. «Барсик, — сказала она медленно, глядя на отпечаток, — это не кошачий след. Это собачий. Большой собаки». Она сравнила с рисунком в блокноте — тот же размер, та же форма, то же расположение подушечек и когтей.

«Большая, серая собака, — повторила Лада, и каждое слово ложилось, как кирпич в стену. — Серая шерсть, большие лапы, тяжёлый шаг. Тётя Валя говорила — тёмная тень, крупная, низкая. Дядя Глеб слышал тяжёлый шорох, когти по кафелю. Всё сходится. Все улики указывают на одну и ту же... собаку». Барсик ткнул носом в отпечаток и фыркнул — как будто сказал: «Ну вот, наконец-то. Я вам это говорил с самого утра. Но кто меня слушает? Котов никто не слушает». Лада записала: «Улика 3: отпечаток лапы большой собаки. Ширина — больше ладони (около 12 см). Когти видны, глубокие. Найден в палисаднике, под кустом роз. Совпадает с отпечатками у подвала. Та же собака».

Улики складывались в картину — как мозаика, где каждый фрагмент ложится на место, и изображение становится всё отчётливее. Большая серая собака. Сняла ключ. Утащила. Куда? Домой. К хозяину. Оставалось найти, кому принадлежат эти лапы и эта шерсть. И где ключ — у собаки или уже в собачьей коллекции блестящих вещей.

«Собака! — Лада нарисовала в блокноте большой след и подписала крупными буквами «СОБАКА?» — Но зачем собаке ключ?» Она сидела на земле, блокнот на коленях, и перебирала варианты, как игральные карты, отбрасывая неподходящие. Собака не может открыть замок — лапы не для того. Собака не знает, что в подвале — не читала вывеску. Собака не планирует кражи — не умеет. Значит, ключ привлёк её чем-то другим. Чем? Запах? Нет, латунь не пахнет. Вкус? Нет, металл не вкусный. Форма? Может быть — длинный, с бородкой, как кость? Или... блеск? Звон?

Барсик подошёл, ткнул её лапой в колено и муркнул — тихо, но настойчиво, как будто пытался сказать что-то, что не мог сказать словами. Лада посмотрела на него. «Что? Что ты хочешь сказать?» Барсик ткнул лапой ещё раз, и Лада обратила внимание: он ткнул не просто в колено, а в блокнот, в рисунок ключа. «Ты про ключ? Что — ключ?» Барсик посмотрел ей в глаза — прямо, внимательно, как человек, который знает ответ, но не может говорить. Лада нахмурилась. «Ты хочешь сказать — ключ блеснул? И звенел?»

Барсик ударил хвостом по земле — раз, два. «Да?» — спросила Лада. Удар хвостом — три. «Да». Лада рассмеялась. «Ты говоришь «да» хвостом? Вот так? Один удар — «нет», два — «может быть», три — «да»?» Барсик отвернулся и зевнул — «не путай меня, я не попугай». Но Лада уже поняла.

Ключ был латунный, ярко-жёлтый, блеснул на солнце, как маленькое золото. А когда ветер качал его на крючке — тихо позвякивал. Блеск и звон. Два качества, которые привлекают собак — как блестящие игрушки, как звенящие мячики, как всё, что сияет и звучит.

Питомец тети Вали?

Барсик ударил хвостом по земле ещё раз — убеждённо, без колебаний, как судья, который выносит окончательный вердикт. Лада вспомнила: ключ висел на крючке, и утром, когда она спускалась по лестнице, он поблёскивал в тусклом свете лампочки — единственное яркое пятно на всём тёмном, пыльном первом этаже. Латунь, жёлтая, яркая, как маленькое солнце в подвальной темноте. А когда она тронула его, он качнулся и зазвенел — тихо, тоненько, но отчётливо, как колокольчик на велосипеде. Латунь о каменную стену. Блеск и звон — два качества, которые для собаки неотразимы. Как мячик, который блестит и звенит. Как игрушка, которая создана для того, чтобы её схватить и утащить.

«Он блестел и звенел, — сказала Лада, и глаза её загорелись, как у человека, который нашёл последнюю деталь пазла. — Может, собака решила, что это игрушка? Блестящая, звенящая игрушка, висящая на крючке, прямо на уровне морды? Для большой собаки — как раз на уровне морды, если она стоит на задних лапах или просто тянет шею». Она представила: большая серая собака идёт по подъезду в шесть утра. Тихо, привычно — она ходит здесь каждый день. Проходит мимо двери подвала. Видит блестящий звенящий предмет на крючке. Тянется, хватается зубами — легко, как будто ключ сам прыгает в пасть. И уносит. Просто так. Потому что блестит. Потому что звенит. Потому что приятно держать в зубах — прохладный, гладкий, тяжёлый. Никакого криминала. Никакого грабителя. Просто собака и блестяшка.

Лада записала: «Версия 2 (уточнённая): большая серая собака сняла ключ с крючка, приняв его за игрушку (привлёк блеск и звон). Унесла к себе. Доказательства: следы лап, серая шерсть, показания свидетелей (тень — тётя Валя, шорох — дядя Глеб), направление следов — от подвала к палисаднику, к дому. Статус: сильная версия. Нужно найти собаку». И подумала: осталось узнать, чья это собака. И где она живёт — в нашем доме или рядом. И где ключ — у неё или уже в её коллекции блестящих вещей, под подстилкой, вместе с ложками и фольгой.

«Но чья собака?» — Лада огляделась. В дворах Старогорска гуляло много собак с хозяевами: маленькие, большие, лохматые, гладкошёрстные, на поводках и без. Девочка с пуделем у подъезда — Лада видела её из окна утром. Старик с таксой у скамейки — он читал газету, а

такса нюхала листья. Кто-то выгуливал овчарку на дорожке за домом. Но рано утром, в шесть, когда тётя Валя видела тень? В пять, когда дядя Глеб слышал шорох? Кто гуляет в пять утра? Только те, кто привык — дворники, пекаря, почтальоны. И собаки, которых выпускают одних, на самоугулку, потому что они старые, привычные и знают двор, как свои пять лап.

Лада постучала карандашом по блокноту — привычка, которая появилась ещё в старой квартире, когда она думала над очередным «делом». Тук-тук-тук — как маленькие шаги мысли. «Барсик, нам нужен список подозреваемых. С большими лапами и серой шерстью. Кто подходит?» Барсик сидел рядом, серьёзный, как полицейский кот, и смотрел на Ладу так, будто ждал, когда она сама догадается.

Лада открыла новую страницу в блокноте и написала: «Подозреваемые (собаки): 1. ? 2. ? 3. ?». Ниже приписала: «Критерии: серая шерсть, крупные лапы, живёт в нашем доме или рядом, гуляет рано утром (5–6 часов), любит блестящее». Она перебрала в голове всех, кого знала: тётя Валя — есть ли у неё собака? Лада не знала, но тётя Валя упоминала, что на втором этаже. Дядя Глеб — у него пекарня, может, есть собака? Не знала. Бабушка Нина — у неё палисадник, может, собака? Не знала. Кто на третьем этаже — вообще не знала. «Нужно спросить бабушку Нину, — решила Лада. — Она знает всех. Она здесь живёт давно — может, дольше всех. Она бывший архивариус — она не может не знать, у кого есть собака. Это её профессия — знать всё про всех». Она встала и пошла к палисаднику. Барсик пошёл следом, ступая мягко, как тень, как кошачий телохранитель.

Лада вернулась к бабушке Нине, которая всё ещё поливала розы — терпеливо, неторопливо, капля за каплей, как будто у неё было всё время мира. «Бабушка Нина, — спросила Лада, запыхавшись от быстрой ходьбы, — в нашем доме кто-нибудь держит собаку? Большую, серую?» Бабушка Нина сняла очки, протёрла их краем платочка, надела обратно. Она не спешила с ответом — никогда не спешила, как будто знала, что спешка — враг точности. «В нашем доме? Собаку? — переспросила она, словно пробуя слова на вкус, как дегустатор пробует вино. — Погоди...»

Она задумалась, и Лада видела, как бабушка перебирает в памяти жильцов, этаж за этажом, дверь за дверью, как библиотекарь перебирает карточки в каталоге. «Знаешь, — сказала бабушка Нина наконец, и голос её стал тише, как будто она делилась секретом, — тётя Валя на втором этаже. У неё Трезор. Старый пёс, серый. Большой. Висячие уши. Любит таскать

блестящее». Лада вздрогнула. Серый. Большой. Любит таскать блестящее. Три совпадения — три из трёх. Вероятность — почти стопроцентная.

«Тётя Валя! — вспомнила Лада. — Я у неё уже спрашивала! Про тень у подвала! Но она не сказала про собаку! Она только про тень рассказывала!» Бабушка Нина улыбнулась — тихо, мудро, как улыбаются, когда знают, почему люди забывают важное. «А ты не спрашивала про собаку, Ладочка. Ты спрашивала про тень. Тётя Валя — она добрая, но рассеянная. Если прямо не спросить — не вспомнит. Ты спросила «видели ли вы кого-нибудь», а надо было спросить «есть ли у вас собака». Разные вопросы — разные ответы». Лада уже бежала к подъезду. «Спасибо, бабушка Нина! Вы — гений!» Бабушка Нина качнула головой и вернулась к розам: «Не гений. Просто давно живу. Долго живёшь — всё знаешь. Не всё — но многое».

У Лады загорелись глаза — она почувствовала, как все детали складываются в единую картину, как фрагменты мозаики, которые наконец-то нашли свои места. Серая шерсть — есть. Большие лапы — есть. Любит блестящее — есть. Тётя Валя — живёт на втором этаже, значит, Трезор ходит по подъезду, мимо двери подвала, каждый день. Тень в шесть утра — Трезор вышел на прогулку, тётя Валя говорила, что выпускает его в шесть! Шорох в пять утра — а может, Трезор проснулся и бродил по подъезду раньше? Или тётя Валя перепутала время? Или Трезор — старый пёс, и у него свой режим?

«Бабушка Нина, а Трезор утром гуляет? В какое время?» — крикнула Лада, уже стоя у калитки, одной ногой в палисаднике, другой во дворе. «Тётя Валя его в шесть выпускает, — ответила бабушка Нина, не поднимая головы, аккуратно поливая розу с особенно тяжёлой головкой. — Он сам по двору ходит, возвращается к семи. Привычный пёс. Старый. Он этот двор знает лучше всех — он тут живёт уже восемь лет, с щенячьего возраста. Каждую тропинку, каждый куст, каждый угол. Он знает этот двор, как я знаю свой палисадник».

Шесть утра. Тень в шесть. Трезор выходит в шесть. Лада сложила: Трезор вышел в шесть, прошёл по подъезду, мимо двери подвала, увидел блестящий ключ на крючке, снял его зубами и утащил. Зачем? Потому что блестел и звенел. Потому что он старый пёс, который любит блестящее, и не может пройти мимо блестящей вещи, как коллекционер не может пройти мимо редкой монеты. Всё сходилось — идеально, как замок и ключ. Не этот ключ, но всё равно. Лада помчалась к подъёму, Барсик бежал впереди, и хвост его качался быстро-быстро — он тоже

понял, он тоже сложил. «Барсик, — крикнула Лада, — мы идём к Трезору! К нашему главному подозреваемому!» Барсик муркнул на бегу — коротко, победно. Финал приближался.

Лада помчалась через двор, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни клёна, наступая в лужи от утренней росы. Барсик бежал впереди — рыжая молния между жёлтыми листьями, уши прижаты, хвост трубой, когти цокают по асфальту, как маленькие барабаны. Лада бежала за ним, блокнот в одной руке, карандаш в другой, дыхание рвалось из груди, сердце стучало — не от бега, а от предвкушения.

Она прокручивала в голове третью версию — последнюю, самую логичную, самую подтверждённую: Трезор, старый серый пёс тёти Вали, вышел в шесть утра на прогулку. Подошёл к двери подвала — мимо неё он ходил каждый день, восемь лет. Увидел блестящий ключ на крючке — может, впервые заметил, может, ключ повесили недавно, может, просто раньше не обращал внимания. Снял его зубами — просто так, потому что блестел и звенел, потому что старые псы не могут сопротивляться блестящим вещам, как Лада не может сопротивляться загадкам. Утащил домой. Спрятал под подстилку, как все блестящие вещи, которые таскал годами.

«Версия 3, — шептала Лада на бегу, и слова вылетали между вдохами, — Трезор — непреднамеренный похититель. Мотив: ключ блестел и звенел. Доказательства: серая шерсть на крючке, следы лап у подвала и в палисаднике, тень в шесть утра (Трезор выходит в шесть), шорох в пять (Трезор бродил раньше или тётя Валя перепутала время), направление следов — к дому. Статус: подтверждается. Нужно найти ключ — под подстилкой Трезора».

Лада взлетела на второй этаж и остановилась у двери тёти Вали. Подняла руку, чтобы постучать. И вдруг засомневалась: а что, если она ошибается? Что, если Трезор ни при чём, а ключ украл кто-то другой, и она сейчас ворвётся к тёте Вале и обвинит невинного пса? Она посмотрела на Барсика. Барсик смотрел на дверь и муркнул — тихо, уверенно, как будто знал. «Да, — подумала Лада, — надо проверить. Проверить — не значит обвинить. Проверить — значит убедиться». И постучала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.